

— Михаил Михайлович, вот уже год, как вы ушли из театра, которому отдано двадцать шесть лет жизни, и целиком занялись режиссурой. Чем можно объяснить такой поворот в вашей творческой биографии?

— Как это ни покажется странным, я лучше чувствую пластику действия, образную структуру постановки, ее, так сказать, монтажную фразу через глазок кинокамеры, нежели чем через пустое пространство сцены. Видимо, в этом — индивидуальное свойство моей художнической натуры: мне действительно легче творчески мыслить через глазок объектива.

Когда я занимался режиссурой в театре, я, честно говоря, не получал полного удовлетворения, приходя на поставленный, что называется, своими руками спектакль. Меня все время не покидало ощущение, что на спектаклях то, что я задумывал, вынашивал и готовил, постоянно меняется, деформируется, становится «не моим». Ведь каждый спектакль не похож один на другой. Спектакль — это живой организм: сегодня у него один тонус, завтра — другой. И рождается он не один раз — в день премьеры, а ежедневно.

Другое дело в кино. Пленка фиксирует действие, а значит, и мои усилия как постановщика (не говорю сейчас о работе актеров, так как имею в виду чисто режиссерскую сторону вопроса) раз и навсегда. Переделывать уже ничего нельзя. Плох фильм или хорош, но он — мой.

— Приступая к очередной работе как режиссер, что вы считаете наиболее важным, в большей степени определяющим успех всей будущей работы в целом?

— Слово. Я вообще считаю, что в основе всего есть, было и будет слово. (Возможно, таким образом во мне говорит сын писателя.) Поэтому для меня чрезвычайно важна первооснова будущей картины — сценарий. Из плохого сценария вряд ли сделаешь хорошую картину. Замечу, что все мои фильмы поставлены по пьесам, то есть в их основе — драматургия.

Я очень люблю диалоги, поэтому стараюсь проявить себя через так называемый игровой кинематограф. Есть, например, режиссеры, которых привлекает больше природа, облака, какие-то зрительные образы. Я так не могу, хотя и люблю кинематографическую метафору.

То, чем я занимаюсь, условно обозначил бы как «поэтический реализм». Мне скучно просто восстанавливать, фотографировать, что ли, на экране жизнь.

Характеры героев, их внутренний мир, душевное состояние раскрываются в снятых мною лентах через диалог.

— Михаил Михайлович, в течение многих лет вы готовились к экранизации «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Было сделано несколько вариантов сценария. И тем не менее вы отказались от этой работы. Почему?

— И все-таки не решился...

ощущение на экране. Мое субъективное мнение: экранизация обедняет великое произведение.

— Да, но существует мнение, что экранизация и не должна строго следовать букве произведения...

— На мой взгляд, нужно обладать талантом Толстого, чтобы решиться делать свое произведение на основе толстовского романа, повести, рассказа.

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

«Иначе режиссером быть нельзя»...

Имя народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Михаила Козакова хорошо известно советским зрителям. Такие фильмы с его участием, как «Убийство на улице Данте» и «Суд сумасшедших», «Хождение по мукам» и «Синдикат-2» вызвали широкий интерес аудитории.

Свою творческую биографию М. М. Козаков начал в «Современнике», затем много лет играл на сцене Театра на Малой Бронной.

Еще театральным актером он начал пробовать свои силы в режиссуре. Четыре года назад М. Козаков снял по заказу Гостелерадио свой первый художественный фильм. С тех пор кинорежиссура завладела актером полностью. Вскоре зрители увидят новые фильмы «Покровские ворота» и «Если верить Лопухину», поставленные Михаилом Козаковым.

Наш корреспондент А. Розов встретился с М. М. Козаковым в перерыве между съемками...

По зрелым размышлениям пришел к выводу: великую прозу просто невозможно перенести на экран.

Мне казалось, что в «Пиковой даме» прямо-таки заключен кинематограф. В свое время вели раскладку этого произведения такие мастера кинематографа, как Эйзенштейн, Ромм.

К примеру, читаем у Пушкина: «Шпильки упали к ее распухшим ногам». Вот вам кадр! Обманчиво... Или: «Из кареты высунулась кога в полосатом чулке». Тоже кадр. И тоже обманчиво!

Одно дело, когда Пушкин пишет: «Она прищурилась и улыбнулась в гробу». Совсем другое дело — показать загримированную актрису, которая будет прищуриваться и усмехаться в гробу... Я ломал себе голову — как уйти от этого? То, что производит грандиозный эффект при чтении, вызывает жалкое

Другое дело, вы правы, глубоко подчиниться фразе автора, если уж решился на такую работу. Это никогда не приводило к успеху. Ведь зрителю не нужны движущиеся иллюстрации. Зрителю интересна позиция режиссера.

— Но ведь существуют и прекрасные экранизации?

— Согласен с вами. Но вот на какую закономерность обратил внимание. «Неоконченная пьеса для механического пианино» — наиболее удачная постановка Никиты Михалкова. Но, заметьте, он взял для экранизации наименее совершенную пьесу Чехова «Платонов» и скомбинировал ее с другими произведениями писателя. На мой взгляд, это было очень мудро. Режиссер смог свободно обращаться с материалом, что в первую очередь и определило успех картины.

— Михаил Михайлович, в настоящее время вы работаете

над фильмом для детей. Чем вызвано обращение к так называемой «детской» тематике?

— По-моему, не стоит проводить жестких границ между детским и взрослым кино. Лучшие произведения для юных, как правило, интересны и взрослым. Можно привести десятки примеров по всем видам искусства! Вспомним «Каштанку» Чехова и «Детский альбом» Чайковского, «Синюю птицу» и «Белеет парус одинокий». Лучшие детские фильмы, как правило, адресованы и взрослым — «Айболит» Ролана Быкова, например.

Пусть моя картина будет стоять в ранге детского кино. Но если в основе произведения заключена проблема — оно окажется интересным всем. Даже если главные герои — четырнадцатилетние.

— Но способны ли школьники 14—15 лет, снимающиеся в вашей картине, материализовать ту идею, которая вас волнует? Ведь они не профессиональные актеры... И, кстати, о чем будущий фильм?

Да, эти ребята не профессиональные актеры, конечно. Но никто и не предложит им играть Гамлета или Отелло. Профессионалы должны и могут перевоплощаться, а от детей мы этого и не требуем.

Проблемы школы — вот что нас волнует. В основе фильма — пьеса А. Хмелика «Гуманоид в небе мчится». Не буду пересказывать содержания, скажу лишь, что суть произведения составляют непростые вопросы взаимоотношений подростков друг с другом, с учителями, родителями. Эта тема близка и понятна моим «актерам». Кому, как не им, играть? Я верю в их возможности, работаю с ними точно так же, как и со взрослыми. Довольно «жестко» веду репетиции — так уж я устроен...

Актер прежде всего труженик, поэтому я не делаю моим ребятам фактически никаких скидок. Отношусь к ним очень требовательно и серьезно. По-моему, мы понимаем друг друга.

— А сами вы не скучаете по игре, по театру?

— Знаете, нет. Ведь я снимаюсь в кино, на телевидении, читаю на радио стихи. К тому же когда работаешь над своим фильмом — не до скуки. Я столько играю на репетициях, так «наигрываюсь» в своих фантазиях и замыслах, что мне пока хватает. Что будет через год? Не знаю...

Беседу вел
А. РОЗОВ.